подданнейший, 28 лет беспорочно. Быв в армии, выслужил четыре похода в войске в Пруссии находившемся. По окончании той войны удостоился я в числе Кабинета вашего императорского величества секретарей препроводить десять лет, а ныне пятый уже год служу в Главной дворцовой канцелярии. Находяся еще в Кабинете имел я всеподданнейшее счастье быть от вашего императорского величества избран к посылке в чужие краи в 1771 году, в которой пробыл близ году и исправил все порученное с должной ревностью и успехом». Сейчас, как он пишет, «не только должность прилежного судьи, но часто по трудным делам должность секретаря, а по окладным, как по нужнейшим сего места, должность камерира несу с удовольствием, и могу в том надеяться на свидетельство господина Елагина<...> Со стороны чинов я, всеподданнейший, доволен, но со стороны пропитания ощущаю ежегодно большую нужду, а на старость лет себе и возрастающим двум дочерям вижу самую плачевную дорогу<...> Я получаю жалованья 750 рублей, а в стату дворцовом положен статский советник с жалованьем по тысяче рублей, по оного нет уже 4 года». Прошение (автограф) не датировано, но на деле есть приписка, что в 1782 г. Лукин был пожалован статским советником и, таким образом, должно быть, получил просимое место.[8] Особенно важна здесь ссылка на то, что 1771 г. Лукин провел в Европе, с деловыми поручениями. Именно летом 1771 г. в Ливорно вышел французский перевод «Лейпцигского известия» с рядом вполне сознательных изменений и уточнений текста, которые можно считать авторскими.[9]

Отец Лукина был придворным лакеем, и его сын не смог попасть в государственное учебное заведение. Предположение П. Н. Беркова, что некоторые места в «Щепетильнике» автобиографичны,[10] находит документальное подтверждение в третьем прошении Лукина. 11 июля 1773 г. он получил в аренду участок екатерингофских дач для постройки дома. Но так как по бедности не возвел там никакого строения, то теперь, в середине 1776 г., просил отдать участок в вечное владение без выплаты аренды и какую-либо сумму на постройку. Он ссылался на то, что не имеет ни крепостных, ни собственного дома,[11] никогда не просил пожалований и не утруждал бы императрицу, «если бы не сущая бедность, не умножающиеся лета, и не дети, требующие воспитания». Среди прочего он указывает, что «знание четырех языков и понятие о науках» было приобретено им самим, «без всякия казенныя <...> издержки», и выражает сожаление, что

---

[8] ЦГАДА, ф. 10, д. 620, л. 86—86 об.

[9] Анализ изменений делался неоднократно; указание на литературу см. в статье И. Ф. Мартынова (см. выше, примеч. 6).

[10] Берков П. Н. В. И. Лукин, с. 7—8.

[11] Старый дом Лукин вынужден был продать в августе 1774 г. (Вернадский Г. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917, с. 22).